

О

ни встретились в Тифлисе, столице древней Грузии. Он служил в местном гарнизоне Красной Армии, она — домработницей в семье известного в городе партийного работника.

Он родился и вырос на украинско-польской границе в Ямполе в семье бедного поляка. У его родителей, батрачивших на пана, было четыре сына. Семье выпала трагическая судьба. Отец рано умер. Мать билась из последних сил, чтобы хоть как-то накормить четырех сыновей. Старший, Андрей, после призыва в армию оказался в Грузии. Двух средних, Ефрема и Виктора, в 1938 году арестовали. Оба строили укрепления на границе, которая проходила у них за огородом. «Бдительный доброжелатель» настроил анонимку, обвинив их в связи с польской разведкой. Виктор через несколько лет вернулся, а Ефрема по приговору трибунала Закарпатского военного округа расстреляли, о чем с годами сообщила бумага о его реабилитации.

Мать была родом из воронежской глубинки, песенного села Белогорье. Ее семье пришлось пережить не менее трагические события. В годы Первой мировой войны, а затем и гражданской, после голода и свирепого тифа, большая семья потеряла мать и десять из двенадцати детей. Вот тогда-то старшая дочь и уехала в Тифлис на заработки.

Здесь они познакомились и поженились. Сохранившееся в домашнем архиве свидетельство бюро ЗАГСа Тифлисского горисполкома подтверждает, что «Бричковский Андрей Николаевич и Побединская Нина Николаевна вступили в брак 31 августа 1927 года...»

Казалось, счастье наконец улыбнулось им. Но нет. Какой-то злой рок преследовал молодую семью. Через две недели после рождения не стало первенца. Для молодоженов это было тяжелое потрясение. И поэтому, когда врач настойчиво посоветовал сменить, как сейчас бы сказали, климат, чтобы спасти часто болевшего второго сына, собрав свои нехитрые пожитки, они покинули Тифлис. Так мы оказались в Белогорье у маминого отца, моего деда.

Отец, коммунист с 1929 года, пошел в Павловский райком ВКП(б) стать на учет. Ему предложили поехать на хутор Красные Дачи бригадиром, а через полгода он уже стал председателем колхоза в Березках. Мне рассказывали, что и сейчас в

семьях Дубовых и Германовых есть фотографии отца и других сельских активистов 1934 года.

В январе 1935 года образовался Белогорьевский район. Родители в это время после тяжелых операций находились в Белогорье. И когда отец поправился, теперь уже Белогорьевский райком рекомендовал его председателем колхоза в Сапорино. Дело у него ладилось, колхозники поддерживали, через два года хозяйство заняло место среди лучших в районе. В 1939 году отца послали на открытие Всесоюзной выставки достижений народного хозяйства в Москве. Затем он работал в аппарате райкома: заведовал сектором учета и орготделом. А инструктором у него была З.Д. Ефремова. Почти пятнадцать лет спустя мне, комсомольскому работнику, первый секретарь Белогорьевского райкома партии Зинаида Дмитриевна вручила партийный билет и сказала напутствие-благословение: «Будь таким, каким был твой отец».

Весной 1941-го он попросился в село, и за две недели до начала войны его избрали председателем басовского колхоза «Красный строитель». Мы переехали в Басовку и поселились в пустовавшей хате в Кристине — так местные жители называют улицу, приютившуюся под меловыми кручами вдоль Стародонья.

Война приближалась к порогу и нашего дома. 7 июня 1942 года мы проводили отца в армию. Дальше все произошло как будто в немыслимом калейдоскопе. Он успел прислать всего два письма-треугольника, исписанных химическим карандашом. И многие десятилетия сначала мать, а потом я хранили их как драгоценные реликвии. Письма были по-военному короткие и конкретные, ничего лишнего. Но за пожелтевшими от времени строками видится любящий муж, заботливый отец и патриот. Я хочу их процитировать, ведь это говорит сама история.

Письма из далекого 1942 года:

«12 июня. Воронеж. Здравствуйте, дорогие Ниночка и сыночек Леня. Крепко вас целую несчетно раз. Желаю вам успехов в жизни. 10-го благополучно приехали в Воронеж. Куда направят дальше, напишу потом. Писем пока мне не пишите. До свидания. Крепко всех целую, остаюсь жив и здоров твой муж А. Бричковский. Еще раз тебя, Нина, и тебя, сын Леня, крепко целую. Привет всем».

«15 июня. Воронеж. Здравствуйте, дорогая Нина и сыночек Ленечка. Посылаю вам сердечный привет и крепко вас целую. Нина, 14 июня я получил новое обмундирование. Если бы я сейчас приехал домой, то ты бы меня не узнала. Я из председателя колхоза стал настоящим бойцом и 16 июня уезжаю громить врага. Привет бате, Нине, Нелли. Желаю вам всего самого лучшего в вашей жизни. Крепко всех целую. Не скучай, до свидания. Бричковский А.Н.»

Это были последние отцовские весточки, приветы и поцелуи.

Уже после войны на наш запрос Центральный архив Министерства обороны прислал извещение: «Рядовой Бричковский Андрей Николаевич, находясь на фронте Великой Отечественной войны, пропал без вести 14 июля 1942 года». Военная судьба отца оказалась безжалостно короткой: 14 июня получил обмундирование, 16-го выехал на фронт, а 14 июля — ушел в вечность...

Но в моей душе остались еще взволнованные диалоги-разговоры с моим отцом, которые я веду все эти прожитые без него годы.

— Отец, мы не получили на тебя похоронку, а сообщение «пропал без вести» оставляло хоть какую-то надежду. К тому же ты просил «писем пока не пишите». Вот мы и не писали. Да и не знали куда. И так прошли многие годы. Матери уже давно нет. Всего 54 года было ей отмерено: сказались тяжелая болезнь, оккупация и послевоенное лихолетье. Да и я уже давно пожилой человек. Вот и решил

рассказать тебе о том, что было дальше после расставания с тобой, как мы жили, что перенесли вместе с односельчанами.

Ровно через месяц после твоего отъезда в Басовку ворвались немцы. Как я узнал много лет спустя, 6 июля лучшее соединение вермахта — 6-я армия Паулюса, бравшая Париж, — вышла к Острогожску, повернула на юг и вдоль правого берега Дона устремилась в тыл нашему Юго-Западному фронту, отходившему из-под Харькова после тяжелого майского поражения. В этот же день фашисты бомбили переправу у Белогорья, так что твоё роковое «14 июля пропал без вести» случилось где-то в наших краях. Но где, так и не удалось узнать. Трижды я запрашивал Центральный архив и трижды получал казенный сухой ответ.

Начались семь с лишним страшных месяцев фашистской оккупации. Беды и страдания людей нарастали как снежный ком. Перебирая в памяти драматические события тех дней, я остановлюсь, на мой взгляд, на главных из них. Мой рассказ о людях, которых ты знал, отец.

10 июля. Около 9 часов вечера. Проливной дождь и раскаты грома. Протарахтел мотоцикл. Немцы на ломаном русском языке объявили о выселении басовцев. Времени на сбор не дали. Похватали, кто что мог. Мы взяли теплое одеяло, документы, какую-то еду, что-то из одежды и, главное, корову. Она-то и спасла нас потом от голода. Как выяснилось позже, так поступили все. Всю ночь, мокрые, грязные и испуганные, мы с трудом двигались на Сиротовку. А навстречу шли оккупанты. Я и сейчас помню их ухмыляющиеся рожи, засученные рукава и короткие широкие голенища кованых сапог.

8 августа нас снова всех согнали на пустырь, у многих отобрали коров, какие им приглянулись, и под охраной солдат с овчарками погнали дальше. Голодные, измученные добрались мы до Подгорного. Немного передохнули, и снова в нелегкий путь. Через день мы оказались в Буденновском, где нам приказали остановиться на жительство. Мать встревожено сказала: «Лучше будет, если мы уйдем в другое село». Она опасалась, что нас, как семью коммуниста-руководителя, выдадут. И, как показали последующие события, не ошиблась. Мы перебрались в Скорорыб, где жили белогорьевцы, разыскали родственников и там дождались освобождения.

Это случилось 17 января 1943 года. Неожиданно в селе появились четыре танка с красными звездами и красноармейцы в белых полушубках и валенках. Трудно описать охватившую всех нас радость и ликование. Танки окружили старики и плачущие женщины. Они тянулись к танкистам, словно хотели руками потрогать их и убедиться, что это действительно свои, родные, долгожданные. Мальчишки как воробьи облепили боевые машины и наперебой спрашивали, куда надо целиться по фашистам.

Но не ко всем пришел этот светлый день. В первый же месяц оккупации в Басовке случилась страшная трагедия. Ты лучше меня знаешь, отец, что в селе еще с начала двадцатых годов существовала секта федоровцев. Не очень большая, но агрессивная. Помню твои рассказы о том, как много приходилось их убеждать, что Советская власть вам не враг, что лучше трудиться сообща, а дети пусть учатся и играют в пионерские игры. Об этом же постоянно говорили учителя в школе. Зинаида Трофимовна Блащенко, моя учительница истории, она сейчас живет в Павловске, вспоминает:

— К сожалению, наши усилия не всегда приносили желаемые результаты. Или мы не умели достучаться до ребячьих и родительских сердец, или наши оппоненты лучше владели ситуацией. Многие оставались единоличниками, в день выборов уходили из села, детям не разрешали быть пионерами и комсомольцами.

Так вот, отец, нас выгнали из села, а сектанты решили остаться, посчитали — им незачем уходить. Дескать, не сегодня-завтра немцы форсируют Дон и уйдут на

восток. Не для того, мол, их ждали, чтобы теперь от них уходить. С таким настроением федоровцы и остались. Почти половина из них — 70–80-летние старики. Они-то и составляли ядро секты и диктовали свою волю. Около 60 человек разместились за околицей в Крутом яру, поросшим лесом. А вскоре кто-то сообщил немцам, что эти люди роют в лесу землянки. Оккупанты боялись партизан, как огня. И участь оставшихся федоровцев была решена. 4 августа 9 человек в селе и 54 человека через несколько дней в Крутом яру были расстреляны. Трагедия, что и говорить. Фашисты зверствовали. Но ведь сектанты ждали их как своих избавителей от антихристов-коммунистов и их «бесовской власти». Поэтому и остались.

Драматизм усиливался еще и тем, что заложниками религиозного фанатизма стали 18 детей. И среди взрослых не все были федоровцы. Одни не смогли устоять против влияния секты, другие по каким-то своим соображениям остались с ними. Недавно по областному телевидению прошла передача. Оказывается, и сегодня в двух селах Воронежской области действуют секты федоровцев: одна — в Петропавловском районе, другая — где-то под Воронежем. Их идеология нисколько не изменилась. Сектанты всегда несут с собой зло. И потому кощунственно сравнивать басовскую трагедию с Хатынью, как это делают некоторые журналисты в последнее время. Жителей белорусской деревни заживо сожгли за связь с партизанами, помощь им в священной борьбе с оккупантами. А в Басовке все было наоборот. Предатели встретили фашистов хлебом-солью, каравай вручила Александра Арепьева. Впоследствии в Буденновске она стала сексотом-доносителем, а ее шеф Федор Кисилев дослужился до бригадира полицейских. После изгнания немцев обоих посадили на скамью подсудимых, и они получили по заслугам.

Прости, отец, что я затронул щекотливую тему и невольно беспокоил память давно ушедших людей. Но правда того требует. Многие годы об этом факте молчали, хотя знали о нем все: райком, райисполком, комсомол, другие организации. Ни районная газета, ни тем более областные ни разу не затронули ее. А все потому, что была известна подоплека случившегося. Но в последние годы появились публикации, в которых басовских сектантов сравнивают то ли с белорусскими партизанами, то ли с краснодонскими подпольщиками. Но истина одна и о ней должны знать все.

Отец, в те же драматические июльские дни 42-го случилась еще одна большая беда. В Белогорье, как ты помнишь, сходились три дороги: из Россоши, Подгорного и Сагунов. Нескончаемым потоком отходили наши войска, эвакуированные из западных областей техника, скот, беженцы. Они стремились в наше село потому, что на десятки километров вверх и вниз по Дону, кроме как в Белогорье, не было переправы, а немец наступал. Паром и понтонный мост работали круглосуточно. И все равно затор был огромный. А тут еще в самые последние дни какой-то провокатор стал проверять документы...

В понедельник 6 июля в 9 часов утра в небе появилось первое звено натужно ревущих самолетов. Они заходили со стороны Басовки и вдруг на наших глазах словно опрокинулись: из-под них посыпались черные чушки. Когда земля застонала от взрывов бомб, кто-то испуганно крикнул: «Это же немцы! Бомбят переправу!» С каждым заходом самолетов становилось все больше. Так продолжалось почти двое суток. Переправа была уничтожена. В первый же день мы с матерью, как и другие жители, прятались в меловых кручах. Появилось много военных. Они искали места, где можно переправиться. Им помогали, как могли.

В моих воспоминаниях мне помогают твои сохранившиеся документы, отец. И в первую очередь трудовая книжка. Вот первая запись. «Общий стаж работы по найму до поступления в РК ВКП(б) составляет 18 лет». И последняя: «7 июня 1941 года. Уволен с работы Белогорьевского РК ВКП(б) в связи с переходом на

другую работу». И подпись «Секретарь райкома Кошарный». Помнишь, отец? Это когда тебя направили как раз в Басовку. Ну, а об Андрее Степановиче Кошарном ты иногда говорил дома как о человеке строгом и уважительном. Ему выпала нелегкая судьба.

Когда весной 43-го мы вернулись в Белогорье из оккупации, услышали разговоры: дескать, Кошарного арестовали, а за что — никто не знал. Потом все это как-то не то что забылось, но в тяжелое послевоенное время не было главным. А когда я стал взрослым, начал поиск. Разговаривал с людьми, знавшими секретаря райкома. Они мялись, и никто ничего вразумительного не говорил. И уже в восьмидесятые годы я обратился в областное управление КГБ и получил ответ. Эта информация печатается впервые после тех событий, происшедших в далеком 1942 году.

«УКГБ по Воронежской области сообщает, что по архивному уголовному делу проходит Кошарный Андрей Степанович, 1906 года рождения, уроженец с. Елизаветовка Павловского района Воронежской области, на день ареста первый секретарь Белогорьевского РК ВКП(б). Военным трибуналом за необеспечение эвакуации населения и материальных ценностей района сначала приговорен к высшей мере наказания. Затем постановлением ВТ от 23 сентября 42 г. по ст. 58-14 УК РСФСР приговорен к 8 годам ИТЛ (начало срока с 18.08.42 г.) без конфискации имущества и поражения прав. Прибыл 29.09.42 г. в пересыльный пункт г. Усмани из тюрьмы №2.

24.05.43 г. переведен в г. Челябинск “Челябметаллургстрой НКВД”. По сообщению первого спецотдела УООП Челябинского облисполкома, освобожден 29.04.1944 г. из лечебного учреждения Челяблага, причина освобождения и куда убыл неизвестно».

Такая вот еще одна черная отметина войны в судьбе человеческой. «За необеспечение эвакуации... высшая мера». А как в тех условиях можно было эвакуировать скот, тракторы, комбайны, людей, когда отступал целый фронт? Белогорье, его окрестности, луга от Молочного озера и до Кирпичанской криницы были забиты войсками. И потом, как рассказывал мне в 70-е годы П.Ф. Горбатенко, второй секретарь райкома того времени, они ждали команды из области, их строго предупредили не паниковать. Но команды так и не последовало. И то, что высшую меру заменили на 8 лет без конфискации и поражения прав, говорит об ослаблении страстей и горячки первых дней, о возобладании здравого смысла.

Хотелось бы надеяться, что в Павловске, Елизаветовке или где-то в других местах живут родственники Андрея Степановича Кошарного, и мои заметки помогут им хоть что-то узнать о судьбе близкого им человека.

Отец, на сегодня пока все. Об остальных событиях, может быть, мы поговорим позже, когда еще представится случай...